

— Что вы сказали? В северных землях от Тулуна внезапно разразилась снежная буря? Те рабыни не дошли до степей, их отрезало непогодой, и теперь их собираются продать в государство Гань?

Вернувшись в поселение, Чу Фэй, разумеется, должен был отчитаться перед отцом. Он подробно рассказал о Монкрейде и остальных, но никак не ожидал услышать такую ошеломляющую новость.

— Разумеется, это правда. Я лично приказал отправить их к границам государства Дьеюнь. Они двигались вместе с тремя торговыми караванами, к тому же с ними было несколько одиночных охранников, так что скорость у них невысокая. Сейчас они самое большее достигли границ государства Келунь, до Гань им еще около семи дней пути. Так что если отправишься в погоню сейчас, у тебя есть все шансы их настичь.

— Понял. Я немедленно отправляюсь на помощь.

— Постарайся не нарушать правила. Возьми с собой побольше золотых слитков, если не получится договориться — просто выкупи их.

— Я знаю. Хэ Бэйшань и его братья сейчас в поселении?

— Все здесь.

— Отлично. Пусть они отправляются со мной. Если набрать слишком много людей, мы будем двигаться медленно. Их троих, да плюс восемнадцать человек Монкрейда — вполне достаточно, даже если придется отбивать людей силой. Но вам придется выдать мне оружие и доспехи. То, что они подобрали по пути, никуда не годится.

— Хорошо. Сначала отправь их поесть и отдохнуть, а остальное Бэйшань принесет тебе чуть позже.

Короткий разговор отца и сына поставил точку в этом вопросе. Чу Фэй поспешил найти Монкрейда и его людей, чтобы быстро ввести их в курс дела. Услышав эту новость, те пришли в невероятное возбуждение. Если бы не железная воля, закаленная годами сражений, они бы даже не притронулись к еде, а сразу бросились бы в погоню.

Однако реальность такова, что им необходимо было отдохнуть и поесть, иначе измотанные бесконечными переходами и битвами воины просто не выдержали бы еще одного долгого марш-броска.

Поэтому и они, и сам Чу Фэй заставили себя поесть, а затем закрыли глаза, чтобы поспать. Чтобы быстрее провалиться в сон, они выпили немного вина — совсем чуть-чуть, только чтобы помочь организму расслабиться.

Конечно, даже так уснуть удалось не всем, а те, кто уснул, спали недолго. Сон лишь на время притупил усталость, но не позволил полностью восстановить силы. Ведь когда человек, находящийся в состоянии предельного истощения, по-настоящему расслабляется, наступает период еще большей слабости.

Впрочем, отдыхали они недолго. С приходом троих высоких юношей началось переоснащение.

Добротные ламеллярные доспехи, острые копья, прямые боевые мечи длиной в метр — это было лучшее штатное снаряжение кавалерии государства Гань, главная опора, позволявшая поселению Чу диктовать свои условия на торговом пути Цяньчжоу.

— Кстати, пусть двое сходят и принесут мое личное снаряжение, которое без дела пылится.

Глядя на людей, облачавшихся в доспехи, Чу Фэй вспомнил, что обещал Монкрейду меч, и окликнул одного из разбойников, приносивших оружие.

— Брат Юньци, позволь представить вам Монкрейда. А того черного здоровяка зовут Ганкань. Остальных ребят Монкрейд представит позже, я не запомнил — имена у них слишком длинные.

Чу Фэй представил Монкрейда и Ганканя, пожал плечами с виноватой улыбкой и указал на троих высоких юношей:

— Это мои лучшие братья: Хэ Юньци, Хэ Юньсу и Хэ Бэйшань. Они родные братья. Юньци — старший, Юньсу — второй, а Бэйшань, хоть и выглядит самым крупным, младше меня на год, ему всего шестнадцать.

Трое братьев Хэ были разными: старший — рассудительный и сдержанный, второй — спокойный и мудрый, младший — надежный, как скала.

Хэ Бэйшань ростом не уступал Ганканю, но весил, пожалуй, в два-три раза больше — плечистый, мощный, настоящий медведь. Хэ Юньци был телосложением похож на Чу Фэя, только чуть шире в кости; в нем не было той яростной мощи, что у Чу Фэя, зато чувствовалась надежность. Второй брат, Хэ Юньсу, выглядел куда изящнее: стройный, пропорционально сложенный, от него веяло какой-то легкостью и свободой.

Все трое были при полном параде: в доспехах с узором в виде гор, шлемах с орлиным гребнем, поверх которых были накинuty черные льняные плащи. Увидев, что Чу Фэй впервые так официально представляет их другим, братья стали серьезнее, тут же сложили руки в приветственном жесте, а Монкрейд и его люди ответили своим обычным поклоном.

— Времени на знакомство у нас будет предостаточно, так что давайте без лишних церемоний. Как вытащим жен и детей Монкрейда и остальных братьев, я угощу всех вином и мясом.

После взаимных приветствий Чу Фэй не стал затягивать разговор. В конце концов, Монкрейду и его людям сейчас было явно не до светских бесед, да и братья Хэ не относились к тем, кто любит поболтать. Лучше было сразу пресечь пустые разговоры.

Братья Хэ отправились готовить лошадей и провиант, а люди Монкрейда занялись подгонкой доспехов — это снаряжение было им непривычно, даже оружие из-за культурных различий казалось чужим, требовало времени на адаптацию.

Спустя четверть часа разбойники, которым Чу Фэй поручил принести его личное оружие, вернулись, принеся несколько клинков.

— Монк, это вещи, которые я создавал сам. Просто они не так удобны, как современные мечи, вот и стали украшением. Выбирай любое, какое ляжет в руку — забирай себе. Ганкань, остальные ребята, если что приглянется — берите.

Чу Фэй выложил на длинный стол девять предметов: мечи, сабли, топоры, копья. Все они были созданы им после того, как он попал в этот мир и от нечего делать начал экспериментировать. Стил у каждого был свой, но все они были выкованы из первоклассного железа методом многократной складки.

Надо сказать, что Чу Гэ и другие главы поселения Чу когда-то служили в армии Сяого государства Гань. Двадцать лет назад император-основатель Е Цзянь, желая, пока он еще жив, нанести сокрушительный удар по одному из королевских дворов государства Ци, отправил на север тридцатитысячное войско.

Поначалу поход шел успешно. Опытные военачальники, прошедшие всю жизнь в боях и объединившие Срединную равнину, были мастерами своего дела. За три месяца они разгромили сорокатысячную армию трех королевских дворов Ци, уничтожили десятки малых племен, а южный двор лишился двух третей своих земель.

Однако в момент триумфа пришла внезапная ледяная буря. Девять из десяти воинов погибли. Государство Гань не было обескровлено, но цель похода не была достигнута, и война сошла на нет.

Чу Гэ и его соратники были как раз из тех, кого разметала буря. Им повезло: они не замерзли насмерть, с трудом избежали облав степных племен, но не смогли вернуться в армию и, скрываясь от погонь, оказались на торговом пути Цяньчжоу.

Возвращение в Гань означало либо признать себя погибшими и начинать жизнь под чужим именем, либо предстать перед судом как дезертиры, надеясь на милость императора. В итоге они остались здесь, объединив вокруг себя таких же бедолаг, и основали поселение Чу.

Они обосновались в этих бесплодных каменистых горах из-за скрытого подземного источника воды. К тому же одна из скал оказалась богата уникальной рудой — железом Скальных

Метеоритов, из которого получалась сталь, не уступающая небесному метеориту.

Хотя добыча была невелика, оружие из него выходило превосходным. Даже небольшая добавка при ковке делала клинок равным по прочности стали двадцатикратной закалки.

Чу Фэй, не имея других дел, кроме тренировок, целыми днями пропадал в кузне с Лу Чэном и другими мастерами. Он экспериментировал, создавая оружие необычных форм, и в конце концов сам стал искусным оружейником, чье мастерство уступало лишь самому Лу Чэну.

На столе лежала огромная кривая сабля с изгибом, похожим на бычий рог — двухметровое лезвие без острия, шириной от семи до одиннадцати сантиметров. На круглом гарде был выгравирован однорогий мифический зверь Цинкуй, а рукоять напоминала переднюю ногу быка.

Рядом лежал широкий меч длиной около метра сорока. Восьмигранное лезвие с долом, гарда, сочетающая в себе черты ханьского меча и викингского, утяжеленная рукоять, обмотанная воловьей кожей, и восьмигранное навершие с головой льва, обвитой терновником.

Это были лучшие работы Чу Фэя. Если бы они не были столь неудобны для него лично, он бы сам ими пользовался. Теперь же он хотел подарить меч Монкрейду.

— Забирай свой меч обратно, этот теперь мой.

Как и ожидал Чу Фэй, Монкрейд сразу положил глаз на меч, вернул Чу Фэю одолженный клинок и повесил новый на пояс.

— Можно мне взять эту саблю?

Неожиданно подал голос Ганкань. Он не сводил глаз с огромной кривой сабли.

— Конечно, бери, если нравится. Только не для красоты — она должна быть в деле.

Ганкань всегда был молчалив и осторожен. Монкрейд порекомендовал его лишь после того, как случайно увидел под одеждой его пугающе мощные мышцы. О его прошлом не знал никто.

Сейчас он впервые заговорил сам, и в его голосе проскользнула неуверенность, совсем не похожая на ту ярость, которую он проявлял в бою.

Чу Фэй не стал расспрашивать его о жизни — сейчас было не время для психотерапии. К тому же он был доволен его боевыми качествами, а оружие и так предназначалось для них. Он лишь позволил себе небольшую шутку:

— Я буду пользоваться. У нас на родине оружие похожее, только это лучше и больше.

Ганкань ответил серьезно. Он схватил саблю и отошел в сторону, начав легко вращать ее, словно игрушку.

— Сабля с твоих краев? Такая же?

Чу Фэй поспешил к нему, жестами изображая форму серповидного меча.

— Почти. Только там она не такая прямая, тоже изогнутая, очень... ну, очень плавная.

Ганкань попытался описать предмет, подбирая слова.

Чу Фэй понял. Его не удивило, что оружие Ганканя похоже на его собственное — этот мир во многом напоминал его прошлую жизнь. Великая империя Гань была очень похожа на расцвет эпохи Суй и Тан, народ Ся — на народ Хань, язык был похож на диалект китайского, а письменность — на прекрасные иероглифы, напоминающие стиль лишу.

Конечно, были различия, но в целом все совпадало. Возможно, это была неизбежная схожесть путей развития цивилизации, или параллельная вселенная.

В любом случае, Чу Фэй знал, что здесь нет магии и бессмертных богов. Боевые искусства — это лишь способ сделать тело сильнее, а навыки — эффективнее в бою. Он знал, что никогда не вернется в тот мир.

Но, как ни странно, это его не пугало. Несмотря на тоску по родным из прошлой жизни, этот мир «золотых мечей и ржавого железа» нравился ему куда больше.

— Прошлое осталось в прошлом. Проживу эту жизнь ярко. Пожалуй, стоит запланировать поездку в Гань, чтобы увидеть тот самый город Чжаогэ, где утро начинается с песен.

Хотя эти мысли на миг всколыхнули его душу, он быстро взял себя в руки.

— Ну, раз так, значит, все правильно. Я как раз старался объединить лучшее. А мне эта штука не по руке — забирай. Остальные, кто что присмотрел — берите.

<http://bllate.org/book/20000/1972259>